

**Критика философии Гегеля
в наследии преподавателей философии
Московской духовной академии XIX в.**

© 2020 г.   В.И. Коцюба

*Московский физико-технический институт (Государственный университет),
Московская обл., г. Долгопрудный, 141701, Институтский пер., д. 9.*

E-mail: vk1993@mail.ru

Поступила 31.08.2020

В статье на основе студенческих дневников и переписки рассматривается отношение к философии Гегеля в Московской духовной академии в первой половине XIX в. Анализируются критические замечания к учению Гегеля у профессора философии МДА Ф.А. Голубинского: отсутствие логической связи между предыдущим и последующим в выводе категорий, пантеистическое отождествление бесконечного Абсолюта и конечных вещей, стирание онтологической границы между Божественным разумом и человеческим. Прослеживается связь критики Голубинского с критикой Гегеля у Якоби, о котором с похвалой отзывался Голубинский, в связи с этим освещается вопрос о спинозизме Гегеля, о стиле его сочинений в сравнении со стилем философских работ вольфианской традиции. Далее в статье излагается критика Гегеля в сочинениях ученика Голубинского и его преемника по кафедре философии МДА В.Д. Кудрявцева-Платонова. Отмечается основание данной критики в принципах философии самого Кудрявцева-Платонова, убежденного в невозможности познать реальность путем чистой дедукции. В статье раскрывается использование Кудрявцевым-Платоновым критической аргументации Тренделембурга: Гегель с самого начала неявно вводит в диалектический процесс взятые из опыта понятия движения и времени. В заключительной части статьи анализируется критика гегелевского учения об Абсолюте в философии религии Кудрявцева-Платонова, вслед за Голубинским относящего Гегеля к представителям пантеизма. Показывается отличие в понимании пантеизма у Гегеля и Кудрявцева-Платонова, рассматривается тезис последнего о несоответствии гегелевского учения теистическим представлениям о Боге как о совершенном и отделенном от мира.

Ключевые слова: история русской философии, духовно-академическая философия, Ф.А. Голубинский, В.Д. Кудрявцев-Платонов, Гегель.

DOI: 10.21146/0042-8744-2020-12-165-174

Цитирование: Коцюба В.И. Критика философии Гегеля в наследии преподавателей философии Московской духовной академии XIX в. // Вопросы философии. 2020. № 12. С. 165–174.

Criticism of Hegel's Philosophy in the Heritage of Philosophy Teachers Moscow Theological Academy of the 19th Century

© 2020 Viacheslav I. Kotsiuba

*Moscow Institute of Physics and Technology,
9, Institutskiy per., Dolgoprudny, Moscow Region, 141701, Russian Federation.*

E-mail: vk1993@mail.ru

Received 31.08.2020

Based on student diaries and correspondence, the article examines the attitude to Hegel's philosophy at the Moscow Theological Academy in the first half of the 19th century. Critical remarks to the teachings of Hegel by the professor of philosophy at the Moscow Academy of Sciences Feodor A. Golubinsky: the absence of a logical connection between the previous and the next in the derivation of categories, the pantheistic identification of the infinite Absolute and finite things, the erasure of the ontological border between the Divine mind and the human. There is a connection between the criticism of Golubinsky and the criticism of Hegel by Jacobi, about whom Golubinsky spoke with praise, in this regard, the question of Hegel's Spinoism, the style of his writings in comparison with the style of philosophical works of the Wolffian tradition, is highlighted. Further, the article presents criticism of Hegel in the writings of a student of Golubinsky and his successor in the philosophy department of the Moscow Academy of Sciences Viktor D. Kudryavtsev-Platonov. The basis of this criticism is noted in the principles of philosophy of Kudryavtsev-Platonov himself, convinced of the impossibility of knowing reality by pure deduction. The article reveals the use by Kudryavtsev-Platonov of the critical argumentation of Trendelenburg: from the very beginning Hegel implicitly introduces the concepts of motion and time taken from experience into the dialectical process. In the final part of the article, the criticism of the Hegelian doctrine of the Absolute in the philosophy of religion of Kudryavtsev-Platonov is analyzed, following Golubinsky who classifies Hegel as a representative of pantheism. The difference in the understanding of pantheism by Hegel and Kudryavtsev-Platonov is shown, the thesis of the latter about the inconsistency of Hegel's teaching with theistic ideas about God as perfect and separated from the world is considered.

Keywords: history of Russian philosophy, ecclesiastical-academic philosophy, Feodor A. Golubinsky, Viktor D. Kudryavtsev-Platonov, Hegel.

DOI: 10.21146/0042-8744-2020-12-165-174

Citation: Kotsiuba, Viacheslav I. (2020) "Criticism of Hegel's Philosophy in the Heritage of Philosophy Teachers Moscow Theological Academy of the 19th Century", *Voprosy Filosofii*, Vol. 12 (2020), pp. 165–174.

Прошло уже около двухсот лет с того времени, как философия Гегеля стала известной в России. Начиная с 1830-х гг. интерес к его учению проявлялся не только в кружках русских гегельянцев, но и в среде преподавателей философии университетов и духовных академий. Наследие преподавателя Киевской духовной академии, а впоследствии Киевского университета св. Владимира С.С. Гогоцкого, автора первого отечественного «Философского лексикона» (1857–1873), написавшего докторскую диссертацию «Обозрение системы философии Гегеля» (1860 г.), прочно вошло в историю

русской гегелианы. Не осталась в стороне и Московская духовная академия. Уже В.И. Кутневич, преподававший в МДА философские дисциплины с 1815 по 1824 г., проявлял интерес к современной, прежде всего немецкой, философии, с которой старался знакомить и студентов академии. Кутневич выписал для академической библиотеки сочинения Канта, Якоби, Фихте, Шеллинга. Философские произведения Гегеля, судя по всему, тогда ему еще не были известны, на что указывает в воспоминаниях студент академии Ф. Исмаилов: «Возбужденный умными лекциями профессора философских наук, уважавшего преимущественно Платона, Плотина и новейших философов, исключая Гегеля, о котором тогда еще не было слышно в России, я ревностно следил за развитием мыслящей силы в роде человеческом» [Исмаилов 1860, 127]. Также нет каких-либо свидетельств о знакомстве со взглядами Гегеля членов студенческого «ученого общества» МДА, образованного в 1816 г. по инициативе самих студентов для обсуждения философских и богословских вопросов в часы досуга¹. В центре внимания духовно-академических любителей философии тогда были представленные опосредованно через других авторов учения Канта и Шеллинга. Но само знакомство с основными идеями этих учений, а также со взглядами Якоби, Фихте, равно как и изучение истории философии (по Теннеману) [Там же, 125], подготовило условия для более глубокого понимания и критического осмысления системы знаменитого немецкого философа. Секретарем «ученого общества», занимавшимся в то время, по словам С. Глаголева², переводом «Истории философии» Теннемана на русский язык, был Федор Голубинский. После окончания МДА третьим в списке магистров в 1818 г. он был оставлен при академии бакалавром философии, в 1824 г. стал профессором и до своей смерти в 1854 г. преподавал в академических стенах философские дисциплины.

В 1840-е гг. имя Гегеля уже было хорошо известно студентам МДА. В «Хронике моей жизни» архиепископа Саввы (Тихомирова), который учился в академии с 1846 по 1850 г., приводится письмо его товарища Быстрицкого к киевскому другу Флоринскому от 3 января 1848 г. Быстрицкий из списка тем сочинений по метафизике, предложенных Ф.А. Голубинским, выбрал: «Согласно ли со здравым разумом учение Гегеля о прекращении личности души по смерти?» и в письме делится своими переживаниями по поводу выбранной темы. В академии сочинения были главными показателями успеваемости студента. Быстрицкий жалуется, что выбранная тема хотя и кажется более частной сравнительно с другими (Об учении Конфуция, Взгляд на Теодицею Лейбница, О влиянии Канта на современную философию, Гербарт и его школа и т.д.), «а требует многого, – требует прочтения Гегелевой Логики, где он развертывает свое абсолютное, и частью других наук: потому что этому предмету, – состоянию души по смерти Гегель не посвятил ни одного трактата в своей обширной системе, а его мысль, между тем, сказывается в этой системе и выходит из нее; значит, нужно узнать дух всей его системы и опровергнуть коренные пункты его учения; а эти пункты: абсолютное в себе, абсолютное вне себя, абсолютное для себя, – моменты, которых изложению посвящена Логика. А какова эта Логика! Сколько тут отвлеченности! Сколько утонченности! На каждой строчке, почти на каждом слове надобно останавливаться и думать» [Савва 1897, 356]. Автор письма далее замечает, что Гегель «покорил себе многие умы, приобрел много явных и тайных последователей, которого мысли ныне в большом ходу» [Там же, 357]. Изучение иностранных языков давало возможность знакомиться с первоисточниками, потому в сочинениях студентов появляются цитаты из работ Гегеля, в частности, по философии религии [Архив Голубинских 3, 33].

Философия Гегеля в лекциях Ф. Голубинского

Философское наследие проф. Ф. Голубинского представлено прежде всего его лекциями по метафизике, которые он читал с 1822 г. до конца своего пребывания в МДА, и лекциями по истории философских систем. Первые были опубликованы посмертно в несколько этапов (1868, 1871, 1884 гг.) в далеко не полном виде. Вторые сохранились только отдельными частями среди архивных материалов.

К философии Гегеля Голубинский обращается в лекциях по онтологии, когда рассматривает вопрос о категориях, как самых общих понятиях, предикатах вещей. Отца Феодора интересует вопрос строгого выведения категорий, он последовательно разбирает недостатки аристотелевской системы категорий, излагает таблицу категорий Канта и высказывает критические замечания к ней и, наконец, переходит к «наиболее известному и прославленному опыту выведения категорий в системе Гегеля» [Голубинский 2006, 203]. Положительно отмечая стремление последнего к «отчетливости» и последовательности в выведении категорий, а также предварительное изложение метода выведения и строгое следование ему, Голубинский главный недостаток выведения у Гегеля видит в том, что (1) «в следствиях производится более, нежели содержится в основаниях» [Там же, 203]. Отец Феодор подчеркивает, что у Гегеля последующее не вытекает из предыдущего, а «произвольно влагается». В качестве примера он указывает на первый шаг гегелевской логики, когда из бытия и ничто возникает нечто новое. Данный пример иллюстрирует у Голубинского еще один недостаток Гегеля: (2) отождествление моментов противоречия. Отец Феодор перечисляет явно неприемлемые для него отождествления целого и части, бесконечного и конечного, неизменяемого и изменяемого, и наконец, что особенно для него важно: Абсолютного Безусловного, то есть Бога, и вещей конечных. Акцентирование внимания на понятиях бесконечного и Абсолютного не случайно для Голубинского, в философии которого данные понятия являются центральными. В лекциях по онтологии отец Феодор доказывал, что в уме человека есть врожденная идея Бесконечного, невозможная без существования Бесконечного Существа, единственного в своем роде, принципиально отличного от всего остального, ни от чего не зависящего. Тезис о бытии Бесконечного Существа Голубинский называет главным положением онтологии. Именно идея Бесконечного делает человека человеком, определяет основной закон человеческого ума и познания: «для всего ограниченного по бытию и совершенствам искать первопричины, первообраза, цели или конца в Бесконечном» [Там же, 142]. В то время как Гегель полагал различие бесконечного и конечного в качестве фундаментальных характеристик Бога и познающего человеческого ума лишены значения, рассматривая эти характеристики как «лишь моменты процесса», так что и бесконечное Божество у него также «есть в качестве конечного, “я” – также в качестве бесконечного» [Гегель 1975, 362]. Отождествление бесконечного и конечного в глазах Голубинского означает принципиальное искажение онтологии, вытекающее из ложной установки пантеизма. В лекциях отец Феодор неоднократно указывает на пантеистический характер систем Фихте и Шеллинга, присоединяющих неограниченное Существо к вещам конечным, так что граница между первым и вторыми становится условной и проявление Бесконечного в конечном становится у них необходимостью бытия Абсолюта. Гегель, выводящий из чистых понятий о бытии и ничто бытие изменяющееся, рассматривается Голубинским как продолжатель Шеллинга и идущий по тому же пути пантеизма. У Гегеля истинное Бесконечное оказывается подверженным нескончаемому ряду перемен, что для отца Феодора является принципиальной ошибкой, поскольку Бесконечное тем и отличается от конечного, что пребывает неизменным.

В оценке пантеизма Фихте и Шеллинга Голубинский вполне солидарен с Якоби, о котором с похвалой отзывается в своих лекциях как о наиболее значимом из плеяды «благомыслящих» философов (таких как Эбергард³, Платнер⁴, Бутервек⁵), противоставших учениям вышеназванных представителей немецкого идеализма, и считает «наилучшим руководителем к истинной философии» [Голубинский 2006, 62]. Для Якоби Гегель – последователь спинозизма, одной из двух не совместимых друг с другом линий в философии. С точки зрения Якоби, все философы делятся на два главных класса: одни полагают, что более совершенное происходит и постепенно развивается из несовершенного, данная философская позиция определяется как натурализм. Другие утверждают, что самое Совершенное по мудрости и нравственности, обладающее разумом и волей, является первоначалом – Богом-Творцом, и таким образом придерживаются теизма [Jacobi 2000, 94–95]. Сам Якоби заявляет о своей приверженности

второму классу, к которому причисляет и Платона, в то время как Спинозу рассматривает как ведущего представителя первого, поскольку у нидерландского философа выступающая первоначально бесконечная субстанция, рассматриваемая в себе, не имеет ни разума, ни воли [Jacobi 1789, 186]. Характерной особенностью спинозизма является детерминизм. Гегель, как отмечал Якоби в письме Иоганну Неебу, профессору философии Боннского университета, хотя и похвалил самого Якоби за переход от абсолютной субстанции к абсолютному Духу и за уверенное признание Абсолюта свободным и личностным, к своей системе свободы приходит посредством спинозизма, так что и для него спинозизм оказывается последним истинным результатом мышления [Jacobi 1827, 467]. На детерминизм в понимании Бога у Гегеля указывал и Голубинский: «Жизнь Божества, по Гегелю, идет путем необходимости, а где необходимость, там не может быть никаких разумных целей» [Архив Голубинских 1, 14]. В этом отношении и для Голубинского, и для Якоби, стоявших на позиции теизма, Гегель является продолжателем пантеистической тенденции немецкого идеализма.

Помимо данного фундаментального расхождения между Голубинским и Гегелем, последний был чужд отцу Феодору самим стилем своих произведений. Голубинский как мыслитель формировался на философских учебниках вольфианской традиции, с их ясными и формально логически последовательными определениями и выводами, ориентированными в качестве образца на стиль математических работ. Сам Христиан Вольф, у которого учился Ломоносов, наряду с курсами по метафизике и естествознанию вел курс по математике и помимо философских трудов был автором четырехтомного учебного пособия «Первые основания всех математических наук», выдержавшего десять изданий. Историки математики в целом позитивно оценивают этот труд, в котором заметно «желание пропитать обучение духом математического метода и поставить во главу всего воспитание математического мышления» [Математика 1972, 23]. Соответственно и философские сочинения Вольфа и его последователей строились в духе «Начал» Евклида. Примечательно, что и преподаватели философии в духовных академиях во времена Голубинского нередко вели занятия и по математике, как учитель Голубинского В.И. Кутневич, И. Скворцов в КДА, математикой серьезно увлекся сын Голубинского Дмитрий, ставший впоследствии профессором физики и математики в МДА. И хотя получившая распространение в культуре Просвещения во второй половине XVIII в., ориентированная на опыт, «здравый смысл» и практические запросы человека, так называемая «популярная философия» была направлена против «вольфовского систематического дедуктивного рационализма», во многом она оставалась близкой традиции «школьной философии» вольфианцев, и потому четкое отделение ее от последней представляет проблему для современных исследователей [Ansel 2007, 223]. То же можно сказать и о таком критике рационализма, и в частности вольфианства, как Якоби, который, при всем своем критическом пафосе в отношении рассудочного мышления, высказывал стилистически понятные современникам и последовательные аргументы в защиту своей позиции. В случае с Гегелем, при чтении его сочинений у современников возникают трудности. Фриз, характеризуя в письме к Якоби философию Гегеля и ее основное противоречие, отмечает, что Гегель не нравится ему из-за своего языка. Сам Якоби, начав читать «Логику» Гегеля, навсегда откладывает ее⁶. И Голубинский встретился с философскими рассуждениями, в которых он не мог проследить, как из одного высказывания вытекает другое; отец Феодор не преминул отметить это в своих лекциях.

Так, в лекциях по онтологии Голубинский кратко воспроизводит ход рассуждений Гегеля, при котором выводятся понятия количества, меры, качества, сущности. Но отец Феодор не находит у Гегеля самого выведения, а находит то же, что было в категориях у Аристотеля и Канта, и то, чего сам Гегель хотел избежать, – вместо выведения «подле-положение». Профессор МДА замечает, что не видит правильного вывода, как у Гегеля из понятий целого и частей получается понятие силы и ее явления. Голубинский имеет в виду § 136 «Науки логики», в котором Гегель описывает, как можно переходить от целого к его частям, потом отдельную часть рассматривать как целое и от нее

переходить к ее частям и так до бесконечности. Затем он пишет: «Но эта бесконечность, взятая как отрицательное, представляет собой отрицательное отношение отношения к себе, силу, тождественное с собой целое как в-себе-бытие и как снимающее это в-себе-бытие и обнаруживающее себя и, наоборот, обнаружение, исчезающее и возвращающееся в силу» [Гегель 1974, 303]. Очевидно, помимо отсутствия у Гегеля выведения в таком виде, как оно имеет место в математике и в вольфианской традиции, для Голубинского, следовавшего лейбницево-вольфианским представлениям в онтологии, восходящим к аристотелевским, выглядело очень странным, как из понятий целого и части, выражающих математические отношения, может выводиться понятие силы, характеризующее нечто реальное (субстанциальное). Для Лейбница сила характеризует реальный мир, первичный по отношению к феноменальному миру, описываемому математическими понятиями.

В философии Гегеля внимание отца Феодора привлекала по понятным причинам еще одна тема – вопрос о бессмертии души. В лекциях Голубинский отмечал, что у Гегеля фактически стирается граница между Божественным разумом и человеческим, так что существуют уже не два ума, а есть «ум – вообще» и разум в человеке – это Божественное в нем. В то время как для отца Феодора само стремление человеческого ума к совершенству показывает, что наш ум ограниченный, «не может объять и вполне постигнуть Бесконечное, но может жить в бесконечность и в своей жизни приближаться к Бесконечному» [Архив Голубинских 1, 15]. Между актуально бесконечным Богом и способным к бесконечному развитию человеческим умом, согласно Голубинскому, всегда будет существовать онтологическая грань. У Гегеля же она исчезает потому, что сам Божественный разум у него оказывается развивающимся, следовательно, в понимании Голубинского, не подлинно (актуально) бесконечным.

Критика Гегеля в сочинениях Кудрявцева-Платонова

Преемник Голубинского по кафедре философии в МДА В.Д. Кудрявцев-Платонов (1828–1891) также в лекциях и сочинениях обращался к философии Гегеля и в ряде случаев присоединялся к критическим замечаниям своего предшественника и учителя. Так, уже во вводных работах к курсу философии Кудрявцев-Платонов, затрагивая вопрос о специфике философии сравнительно с другими науками, критически оценивает стремление различать философское и естественнонаучное знание по методам познания, когда последнее связывают с индукцией (что было весьма характерно для XIX в.), а философию – с дедукцией. Отрицая возможность чистой дедукции в познании реальности, профессор МДА в качестве примера приводит систему Гегеля: «Философская критика одного из наиболее последовательных опытов чистого построения философии (разумею систему Гегеля) ясно показала, что это построение есть мнимое, а не действительное, что оно было бы невозможно без предположений опыта и основанных на нем понятий, что эти понятия постоянно вторгаются в диалектический процесс чистой мысли и не создаются им из ничего силой творческой мысли, а только завлакиваются искусственным туманом отвлеченности до неузнаваемости их действительного происхождения» [Кудрявцев-Платонов 1893, 13]. Кудрявцев-Платонов неоднократно обращался к данному критическому замечанию в адрес Гегеля, и можно сказать, что оно было одним из ключевых в его оценке философии знаменитого немецкого мыслителя. Это объясняется тем, что данное замечание относилось к методу гегелевской философии: как отмечает Кудрявцев-Платонов, по мнению самого немецкого философа, данный метод, если следовать ему, у любого желающего способен вывести все содержание философии посредством одного чистого мышления, так, как оно было раскрыто в системе Гегеля [Там же, 133]. В качестве предшествующей аналогичной критики профессор МДА ссылается на логические труды А. Тренделенбурга⁷. Последний, отмечая стремление Гегеля представить развитие мышления и бытия в их единстве так, что чистое беспредпосылочное мышление из собственной необходимости создает и познает моменты бытия, обращает внимание на то, что

первоначальные понятия диалектической логики Гегеля: чистое бытие и небытие никак не связаны с понятием движения, и задается вопросом: «Как из единства двух покоящихся представлений возникает движущееся становление?» [Trendelenburg 1840, 25]. Таким образом, диалектика, желающая быть беспредпосылочной, на деле невольно уже изначально предполагает движение, а не порождает его. При этом понятие «движение» впервые обсуждается Гегелем только в философии природы, но если, предвзвешивая Тренделенбург возможное возражение, движение в природе есть нечто отличное от движения в мысли, то Гегель нигде не указывает этого отличия. Вывод Тренделенбурга: чистое мышление в диалектике Гегеля только декларируется, а на деле с самого начала в ней имеет место также созерцание, связанное с пространством и движением.

Кудрявцев-Платонов, подобно Тренделенбургу, задает вопрос: «Но что такое означают понятия; переходит, отрицает, соединяет, отождествляет? Даются ли они в простом понятии чистого бытия? Очевидно, нет; чистое бытие, равно как и чистое мышление, с лишением всякой определенности, лишилось и побуждения к какому бы то ни было переходу или к дальнейшему движению от момента к моменту. Если возможен и мыслим такой переход от одного понятия к другому и поступание вперед, то не иначе, как под условием предзанятого понятия о движении и временном последовании, которого не может дать понятие чистого мышления или бытия. Конечно, в духе своей системы, Гегель может сказать, что такое поступание или переходение одного момента в другой есть только кажущееся, что иначе нельзя себе представить развития понятия чистой мысли... таким образом, что моменты ее следуют один за другим, но что это последование, в сущности, есть нечто обманчивое, существующее только для рассудочного мышления, которое не в силах иначе вообразить себе диалектический процесс. Но в таком случае самая эта обманчивость, как необходимостью явление нашего сознания, должна бы быть объяснена. На самом же деле это не так. Мы видим, что диалектический процесс у Гегеля предполагает именно *временное* последование, как нечто существенное и реальное. Так в природе, в истории, в религии, в философии, – везде диалектический процесс совпадает с хронологическим последованием, – и *прежде* и *после* одного момента за другим суть реальные прежде и после. Отсюда видно, что основным началом диалектического процесса служит не одно только понятие чистого бытия или мышления, но и скрытое понятие временного движения или изменения. Таким образом, на первых же порах диалектика оказывается неверною себе» [Кудрявцев-Платонов 1894, 143–144].

Профессор МДА отсюда констатирует, что гегелевская философия на деле не может обойтись без помощи опыта. С точки зрения Кудрявцева-Платонова, Гегель вначале путем абстрагирования дошел до понятия чистого бытия, а публике предъявил только свой «спуск», в котором к понятию бытия стало присоединяться, как бы рождающаяся в чистом мышлении, абстрагированное на первом этапе. Саму попытку Гегеля вывести категории из единого принципа Кудрявцев-Платонов вслед за Голубинским оценивает положительно, так как у Канта набор категорий не обоснован, но то, как Гегель сделал это, считает неудачным.

Кудрявцев-Платонов, как и Голубинский, критически подчеркивает пантеизм Гегеля, в чтении по философии религии излагая данную тему более подробно, чем его учитель. Изложив в общих чертах учение Гегеля о Боге как о становлении абсолютной идеи и отметив, что сам Гегель рассматривал данное учение как согласное с религиозными представлениями и более совершенно их выражающее, профессор МДА оценивает гегелевское учение на предмет соответствия двум пунктам, основополагающим для религиозного сознания: Божество есть Существо: (а) отличное и отдельное от мира; (б) всесовершенное. Гегель главные черты пантеизма видит в «субстанциальности» и «акосмизме» [Гегель 1974, 330]: в признании Божества непосредственной субстанцией конечного мира [Там же, 144], когда конечное не имеет бытия, а выступает как «выявление, только откровение единого» [Гегель 1977, 460], тогда как Кудрявцев-Платонов усматривает основной признак пантеизма в отрицании возможности отдельного существования абсолютного вне его конечных проявлений. Такая черта есть не только

у пантеизма субстанциального (элеаты, Спиноза), отрицающего развитие в абсолютном, но также и у диалектического, развиваемого у Шеллинга и Гегеля, понимающих абсолютное начало как бесконечную деятельность. Действительно, Гегель, подчеркивая истинность неразрывного единства конечного и бесконечного, далее отмечает, что конечное есть существенный момент бесконечного в природе Бога, и что Бог «хочет конечного, полагает его себе как другое», когда творит мир, и тем самым Бог становится другим по отношению к себе, конечным, поскольку Бог существует только через «опосредование себя самим собой» [Гегель 1975, 361]. Вместе с тем конечные проявления абсолютного, по мнению Кудрявцева-Платонова, как раз и создают проблему для пантеизма, так что он «обыкновенно не знает, куда деваться с конечным, и в этом состоит его слабость, как и вообще идеализма» [Кудрявцев-Платонов 2008, 239]. У Гегеля данная проблема проявляется в том, что жизнь Божества у него неразрывно связана с самопознанием посредством развития мира и человечества, поэтому все действительное разумно и вместе божественно, и Гегель во избежание обвинений в пантеизме уточняет, что под действительным он понимает не всякое существующее. Но тогда, как отмечает Кудрявцев-Платонов, возникает вопрос, а как существует случайное и все то, что система Гегеля не признает истинно существующим? Как оно соотносится с абсолютным? Признание его существующим наряду с абсолютным ограничивает последнее, объявление его призраком ведет к акосмизму, от которого Гегель желает отмежеваться.

Несоответствие учения Гегеля о Боге пункту (а) – отдельности Божества от мира – приводит к несоответствию и по пункту (б) всесовершенству Бога. Духовность Божества, включающая абсолютное знание и самосознание, свободу, у Гегеля принадлежит не абсолютному началу вообще, а только известному его проявлению в определенный момент его развития, и притом не как отдельному субъекту, поскольку проявляет себя только в духовности конечных существ – людей. При этом Божество у Гегеля с необходимостью развивает себя и как дух, и как материя, поэтому легко объяснимо, отмечает Кудрявцев-Платонов, как пантеизм Гегеля мог перейти в атеизм и материализм Фейербаха [Там же, 244]. И только на первый взгляд процесс образования и развития мира в системе Гегеля представляет собой осуществление абсолютным началом определенной разумной цели, поставленной совершенным разумом Абсолюта, на деле же это «колоссальный процесс постепенного сознания абсолютным своей собственной неразумности» [Там же, 246].

Также нельзя сказать, что абсолютное божественное начало у Гегеля является совершенным в отношении добра, благодати. Кудрявцев-Платонов отмечает, что Гегель хотя в этическом отношении и различает добро и зло (когда отдельно противопоставляет себя общему), но метафизически уравнивает их, признавая зло временным, однако необходимым моментом в развитии духа. И таким образом у Гегеля зло становится необходимым моментом в жизни абсолютного начала, что не позволяет назвать такое начало всесовершенным и с чем не может согласиться Кудрявцев-Платонов.

Думая совершенным образом дать знание об Абсолюте диалектическим процессом чистого мышления, с точки зрения Кудрявцева-Платонова, гегелевский пантеизм, подобно другим разновидностям пантеизма, делает абсолютное начало «тусклой, отвлеченной копией мирового бытия» и, думая возвыситься над мнимым антропоморфизмом деизма и теизма, на деле впадает в «космоморфизм», превращая свое божество в «абстракцию мировых законов и форм в их всеединстве», так что «истинные живые религиозные отношения к нему человека становятся невозможными» [Там же, 269].

Примечания

¹ См.: ОР РГБ, Ф. 76/1. К. 7. Ед. хр. 12. Об «Ученом обществе» в МДА см. также: [Коцоба 2011].

² Глаголев составлял свой очерк о Голубинском на основе бесед с его сыном Д.Ф. Голубинским «И Ф. А-ч не терял времени. Он переводил с немецкого языка (эти переводы и теперь сохранились у сына его Дмитрия Федоровича) курсы по истории философии Теннemannа, Брукера, Эстетические рассуждения Анисльона. Вместе со своим другом П.С. Делицыным он перевел всю эстетику Бутервека» [Глаголев 1897, 442].

³ Иоганн Август Эбергард (1739–1809) – немецкий теолог и философ, близкий по воззрениям к представителям немецкого Просвещения. Известен как критик Канта и Фихте. Голубинский, очевидно, имеет в виду такие произведения Эбергарда, как «О Боге господина профессора Фихте и идолах его противников» (1799 г.), написанные в связи с известным спором об атеизме, вынудившим Фихте покинуть Иену. Эбергард был не согласен с учением Фихте о Боге как о сверхчужденном моральном миропорядке, воспринимаемом только через непосредственное внерациональное моральное чувство, и с отрицанием Бога как самостоятельной субстанции [Eberhard 1799, 12]. Как отмечает Бен Кроу, Фихте воспринял критику Эбергарда как одно из немногих возражений, которые заслуживают ответа [Crowe 2011, 96].

⁴ Эрнст Платнер (1744–1818) – немецкий ученый-медик, физиолог, философ, с 1783 по 1789 г. ректор Лейпцигского университета, наиболее известен своей «Антропологией для врачей и философов» (1772 г.) и «Философскими афоризмами» (1776–1782 гг.).

⁵ Фридрих Бутервек (1766–1828) – немецкий философ, профессор Геттингенского университета. Первоначально был поклонником Канта, читал лекции о его философии, позднее пришел к выводу, что Кант, успешно опровергнув догматизм Лейбница и Вольфа, не опроверг скептицизм. В силу этого Бутервек считал, что кантовская формальная философия должна быть обоснована независимо от нее реализмом. Бутервек лично познакомился с Якоби и стал сторонником его взглядов. Наибольшую известность Бутервеку принес его фундаментальный двенадцатитомный труд «История поэзии и красноречия с конца XIII столетия», за который многие европейские академии приняли его в свои члены. В работе «Религия разума» Бутервек, следуя Якоби, философию которого он называет сестрой своего учения, выступает с апологией теизма и критикой пантеизма и непосредственно связанного с ним абсолютизма. К представителям последнего Бутервек относит и Шеллинга, отмечая при этом родство учений Гегеля и Шеллинга [Bouterwek 1824, 148]. Философия религии Бутервека вызвала интерес у Ф.А. Голубинского, о чем свидетельствует сделанный им рукописный перевод отрывков из соответствующего сочинения немецкого философа [Архив Голубинских 2]. О взглядах Бутервека и о его критике систем Фихте и Шеллинга см. [Золотухин web].

⁶ См. [Verra 1969, 204–205].

⁷ Фридрих Адольф Тренделенбург (1802–1872) – немецкий философ, преемник Гегеля в качестве профессора философии Берлинского университета. Один из самых известных критиков Гегеля с позиций аристотелизма, утверждающего опытное основание всякого знания о реальности.

Источники и переводы – Primary Sources and Russian Translations

Архив Голубинских 1 – *Голубинский Ф.А.* Лекции по истории философии (об учении Гегеля), (фрагмент). 6 мая 1848 г. [в студенческой записи] // ОР РГБ. Ф. 76/III (Архив Голубинских). К. 2. Ед. хр. 9 (Golubinsky Archive, in Russian).

Архив Голубинских 2 – *Голубинский Ф.А.* (Философия религии Фридриха Бутервека) перевод // ОР РГБ. Ф. 76/1 (Архив Голубинских). К. 5. Ед. хр. 10 (Golubinsky Archive, in Russian).

Архив Голубинских 3 – *Остроумов Ф.* Согласно ли с разумом то учение, что род человеческий первоначально был в состоянии, подобном состоянию животных, и потом постепенно достиг настоящей степени образования. Студенческое сочинение (1848 г.) // ОР РГБ. Ф. 76/III (Архив Голубинских). К. 9. Ед. хр. 20 (Golubinsky Archive, in Russian).

Гегель 1974 – *Гегель Г.В.Ф.* Наука логики // Энциклопедия философских наук. Т. 1. М.: Мысль, 1974 (Hegel, *Wissenschaft der Logik*, Russian Translation).

Гегель 1975 – *Гегель Г.В.Ф.* Философия религии в двух томах. Т. 1. М.: Мысль, 1975 (Hegel, *Philosophie der Religion*, Bd. 1, Russian Translation).

Гегель 1977 – *Гегель Г.В.Ф.* Философия религии в двух томах. Т. 2. М.: Мысль, 1977 (Hegel, *Philosophie der Religion*, Bd. 2, Russian Translation).

Глаголев 1897 – *Глаголев С.С.* Прот. Ф.А. Голубинский: его жизнь и деятельность // Богословский вестник. 1897. Т. 4. № 12. С. 437–482 (Glagolev, Sergei S., *Archpriest Feodor A. Golubinsky, his Life and Work*, in Russian).

Голубинский 2006 – *Голубинский Феодор прот.* Лекции по философии, умозрительному богословию, умозрительной психологии. СПб.: Общество памяти игуменции Таисии, 2006 (Golubinsky, Feodor A., *Lectures on philosophy, speculative theology, speculative psychology*, in Russian).

Исмаилов 1860 – *Исмаилов Ф.Ф.* Взгляд на собственную прошедшую жизнь. М., 1860 (Ismailov, Philipp Ph., *A look at my past life*, in Russian).

Кудрявцев-Платонов 1893 – *Кудрявцев-Платонов В.Д.* Соч. Т. 1. Вып. 1. Сергиев Посад: Издание братства преподобного Сергия, 1893 (Kudryavtsev-Platonov, Viktor D., *Works*, Vol. 1, Issue 1, in Russian).

Кудрявцев-Платонов 1894 – *Кудрявцев-Платонов В.Д.* Соч. Т. 1. Вып. 3. Сергиев Посад: Издание братства преподобного Сергия, 1894 (Kudryavtsev-Platonov, Viktor D., *Works*, Vol. 1, Issue 3, in Russian).

Кудрявцев-Платонов 2008 – Кудрявцев-Платонов В.Д. Философия религии. М.: Фонд ИВ, 2008 (Kudryavtsev-Platonov, Viktor D., *Philosophy of Religion*, in Russian).

Савва 1897 – Савва (Тихомиров), архиепископ Тверской и Кашинский [Хроника моей жизни:] Автобиографические записки высокопреосв. Саввы [Тихомирова], архиеп. Тверского [и Кашинского] († 13 октября 1896 г.): Том 1 (1819–1850 гг.). Годы 1846–1848 // Богословский вестник. 1897. Т. 4. № 11. С. 337–368 (3-я пагин.) (Archbishop Savva (Tikhomirov), *Autobiography*, in Russian).

Bouterwek, Friedrich L. (1824) *Die Religion der Vernunft. Ideen zur Beschleunigung der Fortschritte einer haltbaren Religionsphilosophie*, Wandenhöck und Ruprecht, Göttingen.

Eberhard, Johann A. (1799) *Ueber den Gott des Herrn Professor Fichte und den Götzen seiner Gegner: eine ruhige Prüfung seiner Appellation an das Publikum in einigen Briefen*, Hemmerde und Schwetschke, Halle.

Jacobi, Friedrich H. (1789) *Über die Lehre des Spinoza: in Briefen an den Herrn Moses Mendelssohn*, Bei G. Löwe, Breslau.

Jacobi, Friedrich H. (1827) *Friedrich Heinrich Jacobi's auserlesener Briefwechsel in zwei Bänden*, Bd. 2, Bei Gerhard Fleischer, Leipzig.

Jacobi, Friedrich H. (2000) Werke. Bd. 3. *Schriften zum Streit um die göttlichen Dinge und ihre Offenbarung*, Felix Meiner, Hamburg.

Trendelenburg, Friedrich A. (1840) *Logische Untersuchungen*, Bd. 1, Bei Gustav Bethge, Berlin.

Ссылки – References in Russian

Золотухин web – Золотухин В.В. Чистый теизм и критика всеединства: философия религии Фридриха Бутервека [Вопросы философии. 2017. № 11] // http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=1826&Itemid=52.

Коцюба 2011 – Коцюба В.И. Философская тематика на собраниях первого студенческого общества Московской духовной академии // Вестник РГСУ. Серия «Философия. Социология». 2011. № 15. С. 239–252.

Математика 1972 – Математика XVIII столетия // Юшкевич А.П. (ред.) История математики с древнейших времен до начала XIX столетия. В 3 т. Т. 3. М.: Наука, 1972.

References

Ansel, Michael (2007) “Ernst Platner und die Popularphilosophie”, *Aufklärung*. Vol. 19, *Themenschwerpunkt: Ernst Platner (1744–1818) Konstellationen der Aufklärung zwischen Philosophie, Medizin und Anthropologie*, S. 221–242.

Crowe, Ben (2011) “Fichte, Eberhard, and the Psychology of Religion”, *The Harvard Theological Review*, Vol. 104, No. 1, pp. 93–110.

Kotsiuba, Viacheslav I. (2011) “Philosophical topics at meetings of the first student society of the Moscow Theological Academy”, *Vestnik RGSU, seria “Filosofiya, Sotsiologiya”*, Vol. 15, pp. 239–252 (in Russian).

Verra, Valerio (1969) “Jacobis Kritik am Deutschen Idealismus”, *Hegel-Studien*, Vol. 5, S. 201–223.

Yushkevich, Adolph P., Ed. (1972) “Mathematics in the 18th century”, *The History of Mathematics from Ancient Times to the Beginning of the 19th Century*, in 3 volumes, Nauka, Moscow (in Russian).

Zolotukhin, Vsevolod V. (2017) “The Pure Theism and the All-Unity Doctrine Criticism: Friedrich Bouterwek’s Philosophy of Religion”, *Voprosy Filosofii*, Vol. 11, pp. 190–199 (in Russian).

Сведения об авторе

КОЦЮБА Вячеслав Иванович – доктор философских наук, доцент департамента философии Московского физико-технического института (Государственного университета).

Author’s Information

KOTSIUBA Viacheslav I. – DSc in Philosophy, Associate Professor, Department of Philosophy, Moscow Institute of Physics and Technology.